

Плутон, поднявшийся из ада

На иркутском вокзале Варлам Шаламов дал себе клятву ничего не забывать

Варлам Шаламов совершил в своей жизни два подвига. Первый подвиг был тот, что он выжил в страшных, нечеловеческих условиях сталинского лагеря образца 30–40-х годов – самого страшного образца, какой только можно себе представить. Ну а второй подвиг заключался в том, что он сумел очень убедительно и достоверно рассказать о пережитом. Шаламов возвращался в Москву через Иркутск – именно здесь, на вокзале он дал себе эту клятву – ничего не забыть.

Вот как он об этом рассказывает:

«На Иркутском вокзале я лег под свет электрической лампочки, ясный и резкий... Всё было привычно: паровозные гудки, двигавшиеся вагоны, вокзал, милиционер, базар около вокзала – как будто я видел только многолетний сон и сейчас проснулся. И я испугался, и холодный пот выступил на коже. Я испугался страшной силе человека – желанию и умению забывать. Я увидел, что готов забыть, вычеркнуть двадцать лет из своей жизни. И каких лет! И когда я это понял, я победил сам себя. Я знал, что я не позволю моей памяти забыть всё, что я видел. И я успокоился и уснул».

Прошло полвека. Шаламова давно уже нет в живых, а его творческое наследие – несколько сотен рассказов и стихов, письма, воспоминания – лишь начинает свой путь к читателю. Шаламов, на мой взгляд, – самый недооценённый писатель не только двадцатого века, но всех веков и народов. Проза его пугает, шокирует, заставляет отшатнуться в ужасе. Это притом, что в ней нет того, что мы теперь зовём «чернухой». В ней всё — правда, истина до последней точки. Более того – Шаламов, по собственному признанию, не рассказал и сотой части того, что пережил. Да и можно ли обо всём рассказать? И даже так: нужно ли? Сам же Шаламов написал о том, что лагерный опыт ничему хорошему не учит, он не нужен, вреден для всех, не исключая и тех, кто садит и сторожит. Зачем же нам знать про все эти ужасы?

На этот и ему подобные вопросы можно ответить очень просто: знать нужно обо всём: как о хорошем, так и о плохом. О хорошем, для того, чтобы к хорошему стремиться. А о плохом, соответственно, наоборот. Допустим на секунду, что человечество напрочь забудет об ужасах фашизма... Даже в целях самосохранения этого нельзя допустить. Не говоря уже о том, чтобы сохранить память о миллионах замученных людей, об их реабилитации перед потомками. Да, нужно помнить как хорошее, так и плохое в собственной истории. Не только: «Я помню чудное мгновенье...» и «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...», но и «Я лежу как мертвец неестественно прямо...», и «Сколько раз ты его увидишь, столько раз ты его убей!».

В рассказе «Триангуляция III класса» Шаламов пишет:

«Летом 1939 года выброшенный бурной волной на болотистые берега Черного озера, в угольную разведку, как инвалид, нетрудоспособный после золотого забоя 1938 года на прииске «Партизан», расстреливаемый, но не расстрелянный, — я не думал по ночам, как и что со мной случилось. За что? — этот вопрос не вставал в отношении человека и государства.

Но я хотел слабой своей волей, чтобы кто-нибудь рассказал мне тайну моей собственной жизни.

Я встретил в тайге весну и лето тридцать девятого года и всё ещё не мог понять, кто я такой, не мог понять, что жизнь моя — продолжается. Как будто умер в золотых забоях «Партизана» в тридцать восьмом году.

Прежде всего надо было узнать, был ли этот тридцать восьмой год? Или этот год — бред, всё равно чей — мой, твой, истории.

Мои соседи, те пять человек, что прибыли со мной из Магадана несколько месяцев назад, не могли рассказать ничего: губы их были навеки закрыты, языки навеки привязаны».

Эта вот недосказанность, онемелость языка и омертвление души, этот «священный ужас поэта», взятый со знаком минус, – красноречивее любых метафор и эпитетов. Человеческий язык не в силах выразить то, чему нет определения в человеческом языке.

Говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я бы переписал эту фразу так: «Лучше один раз почувствовать, чем сотню раз увидеть и тысячу раз услышать». В самом деле, как рассказать южанину про шестидесятиградусный мороз? Как передать чувства человека, работающего на таком морозе 14 часов в сутки, получающего за свой труд килограмм хлеба в сутки и удары и пинки конвоиров, бригадиров, уголовников и своих же товарищей – без счёта и конца? Как передать ужас человека – коммуниста, верного ленинца, члена интернационала, — оказавшегося на советской каторге и видящего кругом множество таких же как он, невинных людей?

Ничего подобного в мировой истории не было, и, надеюсь, не будет. С чем это всё сравнить? С царской каторгой? Но сам же Шаламов в одном из рассказов приводит такие цифры: норма выработки камня, установленная для декабристов на Нерчинских рудниках, равнялась трём пудам в день. В сталинских лагерях эта норма равнялась восьмистам пудам. Как говорится, почувствуйте разницу.

Или возьмём Достоевского и его всем известные «Записки». По признанию классика, в Омском остроге он ел мясо, работал в охотку и в меру, и никто его там не бил и не притеснял. Напротив, один из заключённых взялся ему прислуживать и, когда они мылись в бане, обратился к нему с такими словами: «Позвольте, я вам ножки помою». Что тут скажешь – если бы меня спросили, где я предпочту провести в качестве узника пару-тройку лет, я бы ни секунды не сомневался – Омский острог середины 19-го века. Но если бы меня стали усиленно стращать Колымой и золотым забоем – я бы лучше сразу повесился. Потому что пережить то, что пережил Шаламов – не каждому дано.

«Много месяцев день и ночь на утренних и вечерних поверках читались бесчисленные расстрельные приказы. В пятидесятиградусный мороз заключённые-музыканты из «бытовиков» играли туш перед чтением и после чтения каждого приказа... Каждый список кончался одинаково: «Приговор приведён в исполнение».

После Шаламова почти невозможно читать Дюма, Дойля, Кипплинга. Да что там Кипплинг – северные новеллы Д. Лондона кажутся детским лепетом в сравнении с «Колымскими рассказами». Весь Достоевский и весь Толстой – кажутся искусственными, надуманными и отчасти фальшивыми, театральными. У Шаламова нет даже намёка на фальшь или театральность. Фраза его скупа и экономна. Крайне бедна эпитетами и почти лишена метафор. Это – сознательный выбор писателя. И даже – не выбор. Это – состояние души, в которой выжжено всё дотла, и нет места для восторга и умиления, но осталось лишь то, что умирает вместе с человеком, гаснет с остатками сознания – то, что тождественно самой жизни.

Этот вечный спор: нужна ли человеку литература, нужно ли искусство – этот во многом надуманный спор разрешился в творчестве Шаламова. Это поразительно, но после всего пережитого Варлам Шаламов вернулся к стихам, вернее, воскресил в себе увядшие, загубленные, растоптанные ростки поэзии. И ведь не один он был такой. Видно, в самой гармонии стиха есть нечто такое, что поддерживает душу в самых жестоких страданиях. После ада колымского, Шаламов остался поэтом – наперекор всему. Его рассказ «Воскрешение лиственницы» — разве это не проза истинного поэта? Этот гимн мёртвой изломанной ветке лиственницы, присланной посылкой с Колымы в Москву и вдруг ожившей в банке с хлорированной городской водой? Разве это не символ воскрешения самого писателя, который также вернулся в Москву весь изломанный, омертвевший? И точно также сумел воспрянуть, нашёл в себе потаённые силы для новой жизни и борьбы?

Но я бы хотел сказать ещё вот о чём. Меня удивляет и пугает негативное отношение к Шаламову со стороны некоторых моих знакомых. Один из них, бывший мой сокурсник и диссидент, успевший посидеть за политику до перестройки, а теперь ставший успешным бизнесменом, вдруг стал мне доказывать, что Шаламов – стукач, что он пошёл на сотрудничество с администрацией, что его сломали в лагере и т.д. и т.п. (не приведя при этом ни одного доказательства, кроме того, что Шаламов с 1946-го года работал фельдшером в лагере). Другой – талантливый писатель – с жаром доказывал мне, что Шаламов – писатель средней руки, пишет примитивно, и ничего интересного или замечательного в его рассказах нет. Третья – литераторша со стажем, представительница т.н. почвеннического крыла, также не усматривала у Шаламова ровно ничего хорошего и не маскируясь, искала у Шаламова изъяны, совершенно при этом игнорируя его лучшие черты.

Невольно вспомнилось и то, как Шаламова травили при жизни, как заставили отречься от своих рассказов – вторично устроив ему каторгу, теперь уже каторгу для души. Что же, сломать старого больного человека, действительно, не так уж и сложно. Техника этого действия хорошо отработана. С одной стороны – посулы,

обещания издать книгу и принять в Союз писателей, а с другой, угрозы самого гнусного свойства. Среди последнего — мракобесные статьи самого оскорбительного толка, обвинения в клевете на советский строй, травля своих же собратьев по перу, и проч. и проч. — Всё то же, что делали с Пастернаком, Солженицыным, Бродским, Синявским. Что же получается? Я снова задаю себе вопрос: для кого писал Шаламов свои поразительные рассказы? Зачем этот непрерывный подвиг, эта Голгофа, на которую он взошёл в возрасте 22 лет, да так и не сошёл до самой смерти?

Что такое есть «Колымские рассказы»? С чем их можно сравнить, сопоставить, соотнести? Я не знаю. Взять хоть «Один день Ивана Денисовича» — это уже не то. Да, страшновато, жутковато, веет произволом — но всё равно, это не Колыма, не «Домино», не «Заговор юристов», не «Надгробное слово» и — не всё остальное. Чем всё-таки берут «Колымские рассказы»? Почему содрогаетесь при чтении? Быть может потому, что это — уже не литература, вернее, больше, чем литература? Быть может, Шаламов вскрыл новый пласт, углубился туда, куда ещё никто не проникал. «Плутон, поднявшийся из ада, но не Орфей, спустившийся в ад»! — в этом разгадка? Да, наверное, это так. А ещё разгадка в самой личности Шаламова. Ведь что ни говори, но любой рассказ, любое стихотворение — это прежде всего, сам писатель, слепок его личности. И если человек лжив (пускай даже неосознанно), то лживы все его творения. Если человек неумён, неумны его книги. Если автор — конформист и потенциальный предатель, если он «тварь дрожащая» — как он может ожидать признания от читателей, уважения и любви?

По искренности, по внутренней свободе и независимости, по беспощадности к самому себе, Шаламову нет равных в русской литературе. Единственный, с кем можно его сопоставить, это М. Горький. Но и то, с большой натяжкой для последнего.

Шаламов для многих неудобен, он опровергает мифы — не только идеологические, но и литературные. Он открыто выразил несогласие с двумя главными традициями великих русских писателей: традицией воспитания и традицией гуманизма. «На свете тысяча правд», — утверждал Шаламов. Не нужно никого поучать — это большая ошибка русской литературы, — поучать и направлять. И второе: не нужно подставлять щёки для удара — ни правую и ни левую. Сначала нужно вернуть долги своим гонителям и мучителям, лишь после этого платить добром тем, кто этого заслужил.

Чтобы заявить такое во всеуслышание, нужно иметь мужество. Но кто знает, как бы заговорили все наши гуманисты, если бы пережили то, что пережил Шаламов. О Достоевском он однажды выразился в том духе, что Фёдор Михайлович навсегда бы утратил дар речи, если бы ему довелось побывать на Колыме в сталинских лагерях.

Писатель утверждал: «Весь «ад» и «рай» в душе писателя и огромный личный опыт, дающий не только нравственное превосходство, не только право писать, но и право судить».

По поводу своих рассказов он говорил следующее:

«К очерку никакого отношения проза «Колымских рассказов» не имеет. Очерковые куски там вкраплены для вящей славы документа, но только кое-где, всякий раз датировано, рассчитано. Живая жизнь заводится на бумагу совсем другими способами, чем в очерке. В «Колымских рассказах» отсутствуют описания, отсутствует цифровой материал, выводы, публицистика. В «Колымских рассказах» дело в изображении новых психологических закономерностей, в художественном исследовании страшной темы, а не в форме интонации «информации», не в сборе фактов. Хотя, разумеется, любой факт в «Колымских рассказах» неопровержим. Существенно и то, что в рассказах показаны новые психологические закономерности, новое в поведении человека, низведённого до уровня животного...».

Так всё-таки, нужен нам Шаламов или не нужен?

Ленин утверждал в своё время: искусство приукрашивает — любое искусство, будь то живопись, скульптура, литература, музыка. И мы, подумав, согласимся с этим утверждением. Эту точку зрения удачно выразил Михаил Кузьмин в четверостишии:

Зачем искать зверей опасных,

Ревущих из багровой тьмы,

Когда на вывесках прекрасных

Они так кротки и милы.

Если бегло окинуть монбланы романов и поэм, повестей, баллад и рассказов, то мы заметим одну существенную деталь. Смерть в искусстве совсем не так страшна, как в реальной жизни. А страдания, как выясняется, облагораживают и служат делу искупления и очищения. И так далее, и тому подобное. Но вот пришёл Шаламов и сказал: страдания могут быть лишь ужасными, и ничему хорошему они ничему не учат, никого не спасают, никуда не ведут. Страдания превращают человека в животное, и делают это очень быстро. Шаламов напоминает о зыбкости той грани, что отделяет нас от животных. По его наблюдениям, человек способен превратиться в животное в течение всего лишь трёх недель. Тончайший слой цивилизации отлетает от него, как шелуха, под малейшим нажимом. Не стоит переоценивать самих себя – вот главный урок писателя. Мы ещё очень слабы и неуверенно стоим на ногах.

«В «Колымских рассказах» нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра, – если брать вопрос в большом плане, в плане искусства» – так оценивал автор собственные творения, и мы должны с ним согласиться.

Говоря вообще, Шаламов рассказывает о том, как человек старается остаться человеком в нечеловеческих условиях. Это неравная, жуткая борьба без шансов на победу, но даже в ней герой находит силы для сопротивления. Именно история этой борьбы, этого беспримерного подвига души и привлекает в творчестве Шаламова. Если бы не выстоял в лагере, сломался душевно, он не написал бы ни одного рассказа такого накала и такой художественной силы. Ибо, ещё раз повторяю, не может слабый духом, сломленный человек написать по-настоящему сильное произведение. И не может говорить о страданиях тот, кто этих страдания в глаза не видел.

Закон этот действует не только в искусстве. И чтобы понять хотя бы это одно, следует читать Шаламова, досконально разбирать его творчество. Он искренен во всём. И в своих несовершенных стихах, и в статьях, и в письмах. В лучших своих рассказах он проникает взором так глубоко в человеческую душу, как не смог проникнуть никто до него. Следовательно, не одну лишь историю своей страны мы постигаем, читая Шаламова. Но нечто гораздо более важное – свойства человеческой души, то есть самих себя.

Спросим себя: были бы мы другими, окажись на месте Шаламова и тех, кто был с ним рядом. Боюсь, что нет. Впрочем, мы этого не знаем. И, надеюсь, не узнаем никогда. Потому что на самом деле: «Человек не должен знать, не должен даже слышать о лагере. Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря». И мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы больше не было таких лагерей, чтобы не повторился чудовищный опыт 20-го века – опыт, произведённый над собой после проповедей всех великих гуманистов, какие ни были на Земле, начиная со Христа и заканчивая Достоевским и Толстым. Проповеди ничему нас не научили, так может ценою собственной шкуры мы узнаем и поймём то, что позволит нам избежать в будущем и Гулага, и фашизма?

«Льщу себя надеждой...»

Автор: Александр Дымов, «Право выбора» © Babr24.com ИСТОРИЯ, ИРКУТСК 👁 2607 06.10.2007, 17:26
📌 162

URL: <https://babr24.com/?ADE=40326> Bytes: 15602 / 15602 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)